

Научная статья. Экономические науки
УДК 332.13
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-114-137>

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ЙЕМЕНСКОГО ВОЕННОГО КОНФЛИКТА: ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ И КОНСОЛИДАЦИИ ВЛАСТИ НА ТИПЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Сергей Николаевич Серебров

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
s.serebrov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4188-5039>

Аннотация. Вступление в 2023 г. в девятый год йеменского военного конфликта с участием арабской коалиции (АК) сопровождалось переходом его на качественно новый этап — движения в сторону фиксации фрагментации Йемена и легитимации нескольких враждебных центров политического влияния (ЦПВ). Этот разворот был подготовлен дезинтеграционными процессами в экономике, усилившимися с начала войны. Дана характеристика политэкономической динамики кризиса в двух сегментах зоны конфликта — южном, занимающим около 70% площади страны и формально контролируемом международно-признанным правительством Йемена (МПП), и Санским альянсом (СА) во главе с хуситским движением Ансарулла, контролирующим около 70% населения Йемена. Показана роль дихотомии саудовского и эмиратского флангов АК в поддержании хаоса и экономического упадка в южном сегменте и влияние консолидации власти СА на функционирование разрушенной и частично уничтоженной войной экономики в северном сегменте. Элементы принципиально разных типов хозяйственных комплексов — зависимой от АК модели на Юге и мобилизационной, максимально ориентированной на внутренние ресурсы — на Севере сочетаются в них с общими трендами образования обширных теневых зон выживания социума в экстремальных условиях гуманитарной катастрофы. Активизация процесса дезинтеграции Йемена в 2022–23 гг. в условиях продолжающегося военного вмешательства извне усилила роль борьбы за экономические ресурсы Йемена как со стороны внутренних, так и со стороны иностранных претендентов на влияние в этой стране.

Ключевые слова: Йеменский военный конфликт, хуситы, конфликтная экономика, типы хозяйственных комплексов, хаваля, центральный банк Йемена, Ходейда

Для цитирования: Серебров С. Н. Политэкономия йеменского военного конфликта: влияние процессов дезинтеграции и консолидации власти на типы хозяйственных комплексов. *Восточная аналитика*. 2023;14(4):114-137. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2023-04-114-137>

Original article. Economics studies

THE POLITICAL ECONOMY OF YEMEN'S MILITARY CONFLICT: THE IMPACT OF POWER DISINTEGRATION AND CONSOLIDATION ON TYPES OF ECONOMIC COMPLEXES

Sergey N. Serebrov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
s.serebrov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4188-5039>

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Abstract. Entering its ninth year in 2023, the Yemeni military conflict involving the Arab coalition was accompanied by its transition into a qualitatively new phase – its movement towards fixing Yemen's fragmentation and legitimizing several hostile centers of political influence. This reversal was prepared by the disintegration processes in the economy, which intensified since the beginning of the war. The paper characterizes the political and economic dynamics of the crisis in two segments of the conflict zone – the southern one, which occupies about 70% of the country's area and formally controlled by the internationally recognized government of Yemen and the Sana'a Alliance (SA) led by the Ansarullah Houthi movement, which controls about 70% of the Yemeni population. It articulates the role of the dichotomy between the Saudi and Emirati flanks of the Coalition in maintaining chaos and economic decline in the southern segment and the impact of the consolidation of SA power on the functioning of the war-torn and partly destroyed economy in the northern segment. Elements of fundamentally different types of economic complexes – the Coalition-dependent model in the South and the mobilization model maximally oriented on internal resources – in the North are combined in them with common trends in the formation of vast shadow zones of social survival in the extreme conditions of the humanitarian catastrophe. The intensification of the process of Yemen's disintegration in 2022–23 in the context of continuing foreign military intervention has intensified the role of the struggle for Yemen's economic resources by both domestic and outside claimants for influence in the country.

Keywords: Yemeni military conflict, Houthis, conflict economy, types of economic complexes, hawwali, Yemeni central bank, Hodeida

For citation: Serebrov S. N. The Political Economy of Yemen's Military Conflict: The Impact of Power Disintegration and Consolidation on Types of Economic Complexes. *Eastern Analytics*. 2023;14(4):114–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227–5568-2023-04-114-137>

Эволюция политэкономии йеменского военного конфликта после начала операции «Буря решимости» в марте 2015 определялась динамикой военной кампании, ростом дезинтеграции между конкурирующими йеменскими центрами политического влияния (ЦПВ), расколом арабской коалиции (АК) на два конкурирующих лагеря во главе с обоими участниками операции – КСА и ОАЭ, прогрессирующим включением в инструментарий гибридной войны экономических и монетарных методов. Тяжелое исходное (на момент начала войны) экономическое положение Йемена характеризовалось потерей около 15% ВВП за период 2011–2015 гг. в результате событий «йеменской весны», вызвавших падение добычи и экспорта нефти и газа из-за актов саботажа. Высокая зависимость Йемена от импорта базовых продовольственных товаров, державшаяся последние три десятилетия на уровне свыше 80%, особенно болезненно сказалась на гуманитарном положении всего населения страны после введения командованием АК режима блокады Йемена в марте 2015 г. Все это обусловило быстрое наступление там самой масштабной гуманитарной катастрофы на планете. «Начало конфликта в марте 2015 г., – отмечено в докладе Всемирного банка, – повлекло немедленное начало

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

гуманитарного бедствия с охватом 65% населения очень плохого или пограничного уровня потребления к ноябрю 2016» [Eliana Favari 2023, p. 4]. К концу 2021 г. число смертей в зоне конфликта оценивалось в 377 тыс. чел., в т. ч. 70% – детей до 5 лет, 15,6 млн человек находилось в состоянии экстремальной бедности, а потери ВВП составили 126 млрд долл. [Taylor Hanna 2021, p. 44], что соответствовало уже потери около 40% ВВП от предвоенного уровня. К 2023 г. социальное бедствие охватило более 24 млн йеменцев – [24 million Yemenis... 11.01.2021].

Принципиально разное восприятие политической природы йеменского кризиса внутри страны и в международном дискурсе зародило явный политологический диссонанс, ускоривший дивергенцию всех йеменских политических акторов, в т. ч. оказавшихся вне рамок официального конструкта кризиса, принятого ООН. Не попавшие в бинарное поле конструкта резолюции СБ ООН 2216 (апрель 2015), признавшей лишь одну из осей кризиса в виде гражданской войны между международно-признанным правительством (МПП) и хуситами (движением Ансарулла), йеменские претенденты на власть стали активно продвигать свои интересы в пику признанным лидерам обоих полюсов. Сведение роли мощной АК во главе с КСА и с активным участием ОАЭ в Йемене к поддержке МПП только усложняло адекватное понимание сути кризиса в международном пространстве и вызывало недоверие внутри страны.

Редуцирование его параметров к бинарной схеме сильно тормозило миротворческую роль миссии ООН и стимулировало появление обходных треков, пытавшихся компенсировать односторонность существующей нормативной базы, чтобы сдвинуть мирный процесс с мертвой точки, в которой он де-факто пребывает все восемь лет войны. Таковым, например, является «оманский трек» прямых контактов КСА с Саной, который помог в апреле 2022 г. установить и поддерживать при номинальной роли ООН режим деэскалации конфликта, организовать обмен пленными и в 2023 г. начать прямые переговоры на уровне официальных делегаций. Тем не менее общая ситуация в Йемене остается далекой от нормализации. Без внесения корректировок в упомянутую платформу ООН ситуация останется взрывоопасной. Сохранится угроза гуманитарного коллапса в Йемене и нового разворота конфликта как в региональную, так и внутрийеменскую плоскость. Особенно амбивалентной выглядит роль сохраняющегося иностранного присутствия в Йемене, которое при известной стратегической важности географического положения страны на ключевом отрезке морского пути из Азии в Европу генерирует, помимо прочего, риски вовлечения в конфликт и других иностранных претендентов на влияние в этой точке Аравии.

Материалами для статьи служили публикации ООН, доклады Crisis Group, UNDP, WB, независимых аналитических центров и йеменских периодических изданий.

Целью статьи является обзор факторов, влияющих на политэкономические процессы в обеих частях расколотовой войной страны, как-то: политическая и военная динамика, гуманитарные факторы, методы экономической войны, роль центральных институтов, роль идеологии и др. Первостепенную роль играет политическая динамика в зоне конфликта, без понимания которой невозможно объяснить состояние перманентного кризиса у одних участников конфликта, в т. ч. имеющих почти неограниченную поддержку извне и неожиданного успеха у других, находящихся по всем объективным показателям в гораздо менее благоприятных, даже почти безнадежных по сравнению с первыми, условиях. Главным критерием успеха в условиях военного конфликта является положение на фронтах, но и за ним всегда стоит политэкономическая обстановка, способность акторов к адаптации и мобилизации ресурсов в предельно экстремальных обстоятельствах, которая, собственно, и определяется сложной комбинацией материальных, социальных и социокультурных факторов.

Одной из главных ловушек йеменского конфликта было ясное априорное осознание наблюдателями несопоставимости военных и финансовых потенциалов враждующих сторон – АК и хуситов. Допущенные на этом этапе просчеты оказали долгосрочное влияние на всех участников конфликта и его внешних наблюдателей. Кажущаяся ясность с победителем негативно отразилась и на упоминавшихся выше формулировках нормативных документов СБ ООН, которые со временем превратились в тормоз, а не инструмент урегулирования, заранее определив искомый результат – капитуляцию хуситов.

Уже к маю 2015 г. на авансцену кризиса начали выходить неучтенные факторы «мягкой силы» – идеология, отношение самих йеменцев к вопросу о легитимности той или иной власти, у каких акторов было больше прав на звание государственных, а у каких его в действительности не было, даже наличие воли к реализации тех или иных целей. Они стали решающей силой определения вектора развития кризиса, результаты которого мы имеем возможность наблюдать спустя восемь лет войны.

С самого начала проявилась яркая особенность йеменского конфликта. Все разрозненные длительной взаимной конфронтацией йеменские акторы, включая выбравших сторону МПП и АК, по существу, дали асимметричный ответ на иностранное военное вмешательство, в конечном итоге спутав планы командования. Стремление попасть в лагерь АК среди противников Ансарулла и ВНК оказалось никак не связанным с поддержкой президента А. М. Хади и МПП – с одной стороны, а военная угроза в адрес хуси-

тов, выделенных в резолюции ООН из состава альянса в роли главного врага мощной коалиции, не привела к распаду политического альянса, выбравшего роль защитника Йемена от внешнего врага.

Также важную роль играла эволюция массового сознания и настроений йеменцев, оказавшихся в силу избранной командованием АК тактики войны либо в одной, «дружественной» АК зоне, либо в другой, объявленной «враждебной». Одна часть в обмен на лояльность МПП получала возможность пользоваться благами от поддержки АК президента А. М. Хади, а на другую обрушились воздушные удары, вся тяжесть экономической блокады и другие экстремальные экзистенциальные риски. Первая часть, находясь в выигрышном положении, доверилась своим лидерам, опекунами которых стали региональные участники кампании. Вторая часть жителей искала опору в сохранении имевшихся государственных институтов, максимальном использовании традиционных регулятивных механизмов, которые сохраняли прежде всего составлявшие большинство населения племена. Борьба за сердца и умы городского населения контролируемых территорий и обладавших полуавтономными силовыми возможностями племен со стороны альянса, одержавшего в 2014 г. верх над партией Ислах, в составе хуситского движения Ансарулла и ядра партии власти ВНК во главе с бывшим президентом А. А. Салехом была выиграна уже в первые недели войны. Стороны альянса отложили в сторону все глубокие внутренние противоречия и сконцентрировались на удержании контроля. Военная операция АК была позиционирована ими как агрессия, направляемая из США и Англии с целью порабощения Йемена. Трудно переоценить роль исторической памяти в этом контексте. Избранная ими стратегия помогла сформировать аксиологический шаблон, с помощью которого новый режим в Санае обеспечил себе верховенство на все последующие годы.

Разницу в оценках текущего положения жителей первой и второй части расколотой страны можно проиллюстрировать сравнением восприятия ими социально-экономических тягот, которые обрушились на них с марта 2015 г. Фиксируемое социологическими исследованиями примерное равенство уровней показателей нищеты (выше 70%) в одном случае рассматривалось как провал МПП и недоработка командования АК, а в другом – как почти чудесное достижение членов СА. Эта пропасть в самооценках имеет прямое отношение и к текущему положению, которое характеризуется угрозой ретроградного отката от упомянутого выше движения к завершению войны, обязанного «оманскому треку» к замораживанию или новому всплеску эскалации. Упомянутые настроения северной и южной частей страны составляют основу для их кардинально разных ожиданий, связанных с перспективой прекращения войны: одни

(«южане») не видят в состоянии войны главную причину своего бедствия, сталкиваясь ежедневно с подтверждением мнения о том, что их исток служат политическая возня и связанный с ней хаос, расшатанная и неэффективная работа органов власти, отсутствие стабильности и деятельность банд и террористов; другие («северяне»), наоборот, верят что именно конец войны принесет им быстрое восстановление экономики и рост благосостояния, поскольку действующий у них ЦПВ в лице созданного СА режима власти государственного типа доказал свою эффективность в почти безвыходной ситуации.

Невозможно представить, что отмеченная разница в оценках своего положения может принести какие либо выгоды СА в случае запуска диалога на территориях, лояльных АК и контролируемых другими ЦПВ. Это крайне маловероятно. Наш вывод состоит в ином: неуверенность «южан» в своих ЦПВ, входящих в структуры МПП, порождает у политических вождей неуверенность в способности удержать свой статус в случае сокращения уровня поддержки со стороны своих иностранных патронов, без которой они не смогли бы достигнуть имеющегося теперь влияния. У них не накопилось достаточного опыта управления, а все надежды на будущее так или иначе связаны с некими вариантами зависимой модели развития, в которой их социальная база поддержки успела разочароваться за годы войны. Это обстоятельство необходимо учитывать при переходе к проектам созыва национального диалога в йеменском формате, который по мнению большинства экспертов только и может стать мостом к устойчивому миру в Йемене. Вероятно, надо отметить, что никакой победы какого бы то ни было актора над другими в качестве монопольного претендента на власть в Йемене в силу пылающего там конфликта идентичностей быть в принципе не может, что означает либо движение к созданию составного государства, либо к его фрагментации.

Приоритет прекращения войны у жителей северной части Йемена, где проживает 3/4 населения страны, с одной стороны, и первостепенный запрос у жителей южной части, которая занимает около 70% площади Йемена, на эффективную власть и правительство, способное устранить дефицит продовольствия, электроэнергии и топлива, восстановить работу государственной сферы услуг, включая образование, здравоохранение и безопасность, составляют вместе важный источник движения к урегулированию, который остается не раскрытым в обстановке нагнетаемой сторонами враждебности друг к другу по идеологическим, политическим, религиозным и прочим мотивам.

На ситуацию в Йемене сильное влияние оказал факт проживания переходного президента А. М. Хади с первого дня войны в изгнании во главе всего правительства на территории соседнего королевства – в Эр-Рияде.

Причины абсентеизма в условиях, когда ок. 70% территории Йемена оставались свободными от хуситов всю войну, было невозможно понять из официального концепта кризиса. Вакуум власти и упадок всех государственных служб на территории лояльной АК работал против МПП. Объявленный временной столицей государства город Аден в августе 2019 г. был окончательно захвачен силами Южного переходного совета (ЮПС) из эмиратского фланга АК, заявившего о своих притязаниях на вывод Юга в границах НДРЙ из состава Йемена. Это событие подтолкнуло становление на Юге (как стали называть территорию Южного Йемена сами лидеры ЮПС, опуская этноним «йемен») параллельной конкурирующей, по сути, квази-государственной структуры власти, которая, действуя в тени официального правительства (в Эр-Рияде) пыталась распространить свое влияние на всю территорию бывшей НДРЙ, но столкнулась с сильной оппозицией, также получавшей поддержку извне. В результате ни официальная, ни параллельная «южная» структура, именующая себя «хукума», так и не вышли из зачаточного состояния в институциональном отношении и не смогли содействовать улучшению положения населения.

Появление в зоне АК сначала двух, а затем и большего числа параллельных политических и управленческих структур власти, обладавших собственными политическими программами и солидными военными потенциалами, вело к фрагментации территории, лояльной АК, оставляя границы фрагментов подвижными и размытыми. Кроме локальных официальных административных органов в них действовали многочисленные военные, негосударственные и племенные структуры, оспаривающие властные права ЦПВ. Население было предоставлено во многом самому себе в поисках борьбы за выживание.

Главной осью противоборства на уровне всего конгломерата МПП выступила исламистская партия Ислах, связанная с БМ (организацией «Братья-мусульмане», запрещенной в России). Первоначально именно ее сделали ядром МПП, находившимся по этой причине безвыездно в Эр-Рияде (партия Ислах была крайне непопулярна на Юге). К весне 2023 г. в лагере йеменских акторов АК сложилось уже как минимум четыре устойчивые группировки, имевшие конкретные притязания на власть: 1) во главе с партией Ислах (составляющей традиционное ядро МПП), к которой примыкают также и структуры действующего президента, председателя Руководящего президентского совета (РПС) Рашада аль-Алими (они образуют костяк саудовского фланга АК); 2) ЮПС во главе с генералом Эйдарусом аз-Зубейди (южнотийменское сепаратистское движение), и 3) Политсовет Национального сопротивления (ПНС) во главе с племянником бывшего президента А. А. Салеха, генералом Тариком М. Салехом. Структуры 2 и 3 входят в эмиратский фланг, категорически настроенный

против признания лидерства партии Ислах. Четвертый ЦПВ не имеет пока единой структурной единицы, он представляет стоящий особо Хадрамаут – провинцию, занимающую около 40% площади всей страны и обладающую 70–80% ее нефтяных запасов. На данном этапе Хадрамаут выступает в двояком амплуа: в качестве растущего партикуляристского южнойеменского субъекта политической сцены и в роли объекта геополитического соперничества КСА и ОАЭ, видящих в нем ключ к своему успеху. Возможности Хадрамаута позволяют ему выступать как претендентом на самостоятельность и суверенитет, так и кандидатом на роль приемлемого для всех йеменских ЦПВ социально-политического ядра всего будущего здания йеменской государственности.

Впрочем, каждый ЦПВ в составе лагеря АК при благоприятных условиях может претендовать на субъектность, имея значительные потенциалы и кардинально разное видение политических перспектив Йемена. Партия Ислах стремится вернуть себе статус второй или даже ведущей партии Йемена в борьбе с главными конкурентами как в составе СА, так и в блоке ЦПВ, входящих в лагерь АК. ЮПС добивается признания права Юга на самоопределение, чтобы выйти из состава Йемена. Лидер ПСНС пытается консолидировать свою власть в провинции Таиз и в Тихаме, чтобы оттуда начать борьбу за реанимацию единства ВНК, созданного его дядей президента А. А. Салехом в 1982 г., но уже без опоры на партию Ислах, которая в 2011 г. примкнула к исламистскому флангу оппозиции и была заподозрена в организации покушения на жизнь президента.

Политическая динамика на другом полюсе конфликта, представленном СА, в ходе войны характеризовалась мощным движением к консолидации на платформе сопротивления военной интервенции сил АК под лозунгом защиты суверенитета Йемена. После краха кувейтских переговоров в 2016 г. в Санае возникло коалиционное правительство национального спасения, в котором оба участника получили равные квоты. Это позволило партнерам эффективно восстановить государственные институты власти, предусмотренные конституцией страны. Оставаясь в глазах мирового сообщества нелегитимной, мятежной стороной и мишенью военного конфликта, режим Саны получил поддержку большинства населения страны и доказал свою устойчивость. Ведущая идеология обоих членов альянса – защита отечества от иностранной агрессии – помогла режиму избежать раскола после трагической гибели лидера ВНК А. А. Салеха в декабре 2017 г. Способность лидеров ВНК и Ансарулла отложить все разделявшие их разногласия для консолидации режима государственного типа позволила ему наращивать влияние среди населения и доказывать ему свои успехи на военных фронтах. В зоне контроля СА за годы войны сложилась принципиально новая идеологическая атмосфера.

сфера, основанная на хусизме – одной из укорененных в йеменской культурной почве исламистских идеологий новой волны, отличающейся формированием у мусульман глубокой враждебности по отношению к США и Израилю, которых лидеры Ансарулла называют главными действующими в данное время вселенскими врагами ислама.

За политэкономическими успехами СА лежит весь революционный опыт идеологического лидерства движения Ансарулла и консервативный административный опыт, накопленный ВНК за тридцатилетний период пребывания у власти. Правительство национального спасения во главе с выходцем из НДРЙ премьером Абдулазизом бин Хабтуром (от ВНК) сумело создать централизованную модель управления экономикой, позволившую обеспечить контроль за сбором и распределением ресурсов в интересах достижения указанной выше главной цели режима. Это обеспечило ему признание большинства населения страны и несомненно первостепенное место в политическом процессе при любом сценарии урегулирования йеменского конфликта. Оба участника СА выступают за сохранение единства Йемена и созыв национального диалога в йеменском формате для решения спорных проблем. Свой весьма цельный взгляд на национальное урегулирование и строительство современного (в плане демократии и плюрализма) государства было изложено ими в Национальной концепции (ар-руйят аль-ватанийя), опубликованной 26 марта 2019 г.

Экономическая ось политического раскола всех ЦПВ лежит в установлении контроля над ресурсами, прежде всего нефтегазовыми месторождениями, сосредоточенными в трех провинциях – Марибе (северный Йемен), Шабве (южный Йемен) и Хадрамауте (восток южного Йемена); над морскими портами Аравийского и Красного морей, связанными с ними объектами инфраструктуры (дорогами, трубопроводами, промышленными предприятиями и терминалами), а также крупными городами – центрами торговли, предпринимательства и источниками налоговых поступлений. Вступление конфликта в апреле 2022 г. в фазу военной дэскалации оживило политическое соперничество между йеменскими ЦПВ, которые по-разному реагируют на успехи непризнанного режима в Санае, но солидарно проявляют опасения уступить ему пальму первенства в случае запуска инклюзивного йеменского политического диалога, к которому призывает их миссия ООН, чтобы добиться урегулирования кризиса в йеменском формате. Состояние «ни войны, ни мира» не остановило процесс усугубления гуманитарной катастрофы и не стало временем подготовки йеменских акторов к выработке формулы для достижения консенсуса. Точно также прошедший после апреля 2022 г. период деятельности президента Рашада аль-Алими во главе РПС с участием в нем семи членов, включая всех лидеров ЦПВ в ранге вице-президентов

тов Йемена, не придало единства и эффективности законному правительству, которое сталкивается с растущими протестами жителей всех контролируемых им регионов страны.

Политэкономика конфликта в треугольнике МПП (саудовский фланг) – ЮПС (эмиратский фланг) – СА

Несмотря на разительный контраст в экономическом и политическом положении двух противостоящих друг другу частей Йемена, контролируемых МПП и СА, они одинаково страдают от введенной АК блокады, падения добычи и экспорта нефти и газа, упадка инфраструктуры, падения производства, нехватки всех продуктов питания, медикаментов и топлива.

Введение в силу механизмов гуманитарной помощи ООН в части продовольствия, топлива и медикаментов, тотальный двойной таможенный контроль за всеми поступающими в страну с моря и суши грузами, прекращение работы международного аэропорта Саны и жесткий внешний контроль за остальными воздушными гаванями парализовали работу традиционного коммерческого сектора и открыли дорогу к смене экономических элит под контролем новых ЦПВ, курирующих фирмы и торговые дома, военные структуры, ведущих поборы с транспортных средств и граждан.

До войны добыча и экспорт нефти и газа приносили 70% доходов бюджета, который в свою очередь на 65% использовался для выплаты зарплат для свыше 1,2 млн госслужащих. Средства на счетах Центрального банка Йемена (ЦБЙ) использовались также для создания валютных резервов для открытия банками аккредитивов, необходимых для импорта около 90% потребляемого в стране продовольствия и около половины необходимых нефтепродуктов. Остальными главными статьями доходов страны были переводы трудовых мигрантов, налоги, пошлины и таможенные сборы, причем налоги и пошлины также аккумулировались на счетах ЦБ.

Перестройка экономики обоих сегментов конфликта в режим чрезвычайного управления происходила параллельно с формированием двух правительств: МПП – в Эр-Рияде и СА – в Санае (причем председателями обоих кабинетов были члены разных фракций прежде единой партии ВНК). До сентября 2016 г. штаб-квартира ЦБЙ, формально не выходившего из подчинения МПП, оставалась в Санае, а враждующие стороны получали финансирование зарплат из единого источника, согласившись на его нейтральный статус. Перенос ЦБЙ в Аден под предлогом присвоения средств СА повлек превращение финансового оружия в один из главных инструментов гибридной войны на экономическом фронте. Наиболее болезненным ударом было прекращение выплаты зарплат госслужа-

щим, работающим в зоне контроля СА. По периметру всех фрагментов территории, контролируемых разными ЦПВ, выросли блокпосты и контрольно-пропускные пункты, взимающие неустановленную законом плату с владельцев и водителей автоцистерн, фур и частных автомобилей. На периферии тем же занимались автономные вооруженные группировки, не входящие ни в какие политические альянсы. За неуплату пошлин они грозили арестом или расправой. Санский центр стратегических исследований в одной из своих публикаций о влиянии политической трансформации на политэкономию отмечал: «Коррупция или использование власти в личных целях глубоко укоренена в политэкономии Йемена последних десятилетий. Однако по ходу текущего военного конфликта, приведшего к фрагментации и регионализации страны, проблемы государства резко обострились. В военной экономике патронажные сети стали вырастать вокруг фигур, ранее маргинальных или неизвестных. Финансовая вовлеченность КСА и ОАЭ сделала патронаж трансграничным феноменом... Поскольку в нелегальный бизнес вовлекалось всё больше акторов, извлекающих из него выгоду, углублялась и заинтересованность этих групп в продолжении конфликта» [Corruption In Yemen's War Economy 2018, p. 1].

Схожие тенденции в начале войны наблюдались в обеих частях Йемена, но разница состояла в том, что конфликты внутри и вокруг МПП превратили большую часть территории страны в зону хаоса, которая создавала условия в т. ч. и для процветания там запрещенных террористических группировок аль-Каиды Аравийского полуострова (АКАП) и Исламского государства (ИГ), которые были ликвидированы властями Саны на своей территории еще в конце 2014 г., а созданное в 2016 г. коалиционное правительство в Санае постепенно подчиняло себе все незаконные виды взимания ренты с населения и устанавливало четкие правила, подкрепленные активной пропагандой исламских ценностей в рамках превращения идеологии движения Ансарулла в государственную, а также разветвленным и достаточно дисциплинированным силовым аппаратом, организованным по территориальному принципу и охватывающим всю контролируемую режимом территорию. Борьба за ресурсы и финансовые потоки между конкурирующими группами уполномоченных властями бизнесменов велась почти без правил на Юге и по строгим правилам – на Севере.

К моменту переноса головного офиса ЦБЙ из Саны в Аден в сентябре 2016 г. его счета опустели, но не из-за присвоения средств властями, а ввиду утраты львиной части статей дохода и остановки добычи и экспорта нефти и газа. Перенос офиса банка в Аден сопровождался сменой всего его управленческого персонала, который в реалиях йеменского

конфликта, во-первых, стал «южным» по составу управленцев и сотрудников, и, во-вторых, лишился квалифицированных кадров, способных грамотно управлять финансами, особенно в условиях войны. Все это вызвало резкую политизацию финансовой сферы в направлении принуждения Саны к капитуляции. Однако обладавшие опытными кадрами власти Саны сразу начали принимать ответные меры защиты, которые в итоге создали дуальную финансовую систему в разделенном Йемене, способную функционировать автономно, при этом используя любую возможность, чтобы получить в свою пользу дополнительные ресурсы от другой стороны. В докладе International Crisis Group «На пути к перемирию в экономическом конфликте в Йемене» авторы приводят следующие цитаты: «Президент Хади привел стратегический аргумент (для переноса ЦБ – прим. авт.), а именно – этот шаг поможет отрезать врагов от фондов. Официальный представитель предыдущего правительства сказал: “Это было не очень сложно. Они захотели опрокинуть игру так, чтобы все деньги достались им, а хуситам – ничего”» [Brokering 20.01.2022, p. 9].

Для Саны двумя основными источниками валютных поступлений стали импортные поставки через порт Ходейду, поскольку он пропускал 70% всей иностранной гуманитарной помощи населению Йемену [What the battle... 21.06.2018], а также денежные переводы трудовых мигрантов из стран Залива, которые в условиях паралича банковской сферы осуществлялись неформальными меняльными конторами – *хаваля*, переживавшими бурный расцвет. Crisis Group описывает механизм функционирования *хаваля* так: «Предприниматели или частные лица собирают деньги у желающих перевести их своим родственникам в Йемен из-за рубежа, покупают товары и перевозят их в страну. Затем товары продаются на местном рынке, а выручка за минусом комиссии передается назначенному реципиенту» [Brokering 20.01.2022, p. 11]. Они же (*хаваля*) помогали поддерживать коммерческий импорт, минуя банковские аккредитивы, которые перестали поддерживаться средствами ЦБЙ или приниматься иностранными контрагентами Йемена из-за утраты доверия к ЦБЙ.

Удар от разделения финансового сектора Йемена после переноса ЦБ в Аден для Юга, ожидавшего массивный приток валютной помощи от патронов из АК, и для режима Саны оказался обоюдным: поступавшие с 2018 г. от КСА и ОАЭ валютные депозиты на счета ЦБ для стабилизации падающего курса валюты быстро растворялись, не принося облегчения. С 2016 г. была приостановлена выплата зарплат госслужащим в сегменте СА, на который приходилось около 70% штата, что зеркально повторялось в несколько меньших масштабах также и в сегменте МПП.

Политические последствия перевода ЦБ в Аден для СА состояли в укреплении его автономной финансовой системы и в придании двум

отделениям ЦБ в Сане и Ходейде роли ключевых регуляторов его оставшейся на плаву банковской системы. Перенос ЦБЙ в Аден, с другой стороны, вызвал трения внутри лагеря АК, поскольку находившееся в Эр-Рияде правительство МПП заподозрило штат ЦБ Адена в симпатиях южному сепаратизму и стало развивать обходные каналы для использования собираемых и предоставляемых извне ресурсов, минуя его счета [Brokering 20.01.2022, p. 6].

С 2017 г. аденский ЦБЙ начал масштабную эмиссию банкнот для выплаты зарплат своим госслужащим, что было воспринято Саной как подготовка к отмене и выводу из обращения старых купюр с целью парализации правительства альянса. Этот слух предвещал наступление скорого экономического коллапса этого режима и подъем голодных бунтов по всей контролируемой СА территории. Эмиссия необеспеченных денег свидетельствовала о банкротстве, которое власти ЦБЙ в том же 2017 г. пытались неудачно прикрыть серией валютных интервенций под видом рыночного механизма перехода к девальвации национальной валюты. Истратив всю имевшуюся валютную выручку на проведение торгов и снизив официальный курс йеменского риала с 215 до 250 за доллар, ЦБЙ утратил способность кредитовать и предоставлять гарантии под операции йеменских коммерческих банков. Их иностранные партнеры поспешили закрыть корсчета йеменских банков, в т. ч. опасаясь санкций со стороны регулирующих банковскую деятельность властей США, призвавших к ограничению операций с участием йеменских граждан и учреждений [Brokering 20.01.2022, p. 11].

Хроническим бичом экономики Йемена с 2018 г. стали галопирующая инфляция в размере от 20 до 40% в год и еще более стремительный рост розничных цен на все базовые потребительские товары из-за неконтролируемого роста накладных транспортных и комиссионных издержек. Уже в 2018 г. показатели нищеты на Севере и Юге достигли примерно равного уровня – свыше 70% населения. Причины экономических тягот власти Саны объясняли расхищением выручки от остаточной добычи нефти (которая, упав до 20 тыс. в 2017 г., потом начала расти до 75 тыс. барр./сут. в 2020 г. [Reuters 14.06.2020]) структурами МПП, а МПП, в свою очередь – присвоением Саной импортных пошлин и налогов, получаемых от порта Ходейда. В итоге в 2018 г. генерал Тарик М. Салех во главе бригад «Амалика» из эмиратского фланга АК предпринял серию масштабных наступательных действий под прикрытием авиации АК от превращенного им в свою резиденцию порта Моха вблизи Баб-эль-Мандебского пролива на север, в пригород Ходейды с намерением захвата этого крупнейшего порта Йемена. Наступление Амалика было остановлено под давлением ООН, придавшей огласке мнение экспертов о неизбежности наступления

гуманитарного коллапса в Йемене в случае начала боев в городе и перекрытия порта Ходейды для гуманитарных грузов. Этот мотив стал главным аргументом для подписания Стокгольмских соглашений в декабре 2018 г., которые ввели в порт Ходейда военных инспекторов ООН для мониторинга прекращения огня и соблюдения соглашений о разводе войск воюющих сторон. Однако авторы упомянутого доклада ICG привели и другой заслуживающий внимания в контексте саудовско-эмиратского соперничества политический мотив вмешательства: захват Ходейды силами эмиратского фланга мог повлечь формирование крупного территориального анклава, который лишил бы в перспективе находившийся в Эр-Рияде МПП контроля над финансовыми потоками, т. к. этот анклав привлек бы к себе все ключевые экономические функций – от ЦБ и коммерческих банков до предприятий крупного бизнеса, находившихся поблизости – в Санае и Таизе. Этот сдвиг мог стать новым трамплином для реставрации ВНК, главного конкурента партии Ислах, ядра МПП. Превращение Ходейды и Адена (ЮПС) в реальные центры экономической активности Йемена сместили бы чашу весов в конфликте в пользу эмиратского фланга АК, сделав МПП во главе с президентом Хади в Эр-Рияде и КСА второстепенными акторами новой политической сцены [Brokering 20.01.2022, p. 13].

Стокгольмские соглашения помогли сохранить Ходейду в руках СА, оставив ему заодно и этот важнейший канал поступления таможенных сборов, налогов и пошлин от импорта. Борьба за этот источник финансирования стала первым главным пунктом экономической войны в Йемене (позже его дополнит вопрос распределения доходов от экспорта нефти, который решится перекрытием всех каналов экспорта через терминалы южной части страны осенью 2022 г.).

В сентябре 2018 г. президент Хади издал Указ об учреждении Экономического комитета для лицензирования всего топлива, поступающего в страну, независимо от порта и о передаче Аденской штаб-квартире ЦБ функции надзора за всеми долларовыми транзакциями, что должно было лишить власти Саны всех источников поступлений. В 2019 г. новый Указ президента Хади предписывал уплату всех пошлин и налогов по импорту в специальные конторы до захода иностранных судов в любые йеменские порты. Эта серия актов вызвала резкие протесты Саны как «противозаконная» и вызвала временную остановку движения судов с товарами для Йемена. И без этих драконовских мер введенный АК режим блокады Йемена предписывал всем судам, следовавшим в Йемен, проходить двойной таможенный контроль за пределами страны (ООН – режим UNVIM и властями КСА) в специальных «карантинных зонах» в Джибути и в Джидде [SEMC 2022, p. 39]. На дополнительные требования президента А. М. Хади власти Саны ответили введением санкций в виде

лишения импортных лицензий тех предпринимателей, которые последуют указам президента А. М. Хади и станут предоставлять таможенные декларации в «технические офисы» МПП. Причем их в любом случае обязали уплачивать все налоги и пошлины портовым властям Ходейды, как было положено раньше. Тогда МПП пытался ввести запрет на поставки всех грузов через Ходейду, что повлекло быстрое истощение всех запасов топлива и продовольствия в этой части страны. Даже суда, получившие разрешение инспекции ООН с экстренными гуманитарными грузами для жителей лояльной Санае части Йемена, задерживались на рейдах, дожидаясь особого разрешения от МПП. Борьба за финансовые потоки через Ходейду вызвала рост цен и темпов инфляции во всей зоне конфликта: цена канистры бензина (20 л) выросла за 2018–2019 гг. с 12 до 33 долларов [SEMC 2022, p. 17]. В эту цену входил и уплаченный судовладельцами демередж за сверхнормативный простой танкеров в ожидании разрешений для захода в Ходейду. К октябрю 2019 г. простой составил в среднем 30 дней с максимумом до 53 дней [Salisbury 2022]. Доля демереджа к наценке на все товары достигала 2–3% [S/2023/130/ 2023, p. 30]. Кроме того, введение запретов на Ходейду заставило импортеров искать другие йеменские порты для доставки грузов, увеличивая транспортные маршруты с 200 км (через порт Ходейда) до 1200 км (через порт Адена). Причем это касалось всех грузов, включая и остродефицитные скоропортящиеся продовольствие и медикаменты.

В ноябре 2019 г. вмешательство ООН помогло снять запрет на поставку нефтепродуктов через Ходейду по гуманитарным основаниям. Стороны договорились, что все средства от сбора средств в порту Ходейда власти Саны станут перечислять на специальный целевой счет в Ходейдском отделении ЦБ с последующим их использованием на выплату зарплат госслужащим в обоих сегментах конфликта с предоставлением отчетных ведомостей ЦБЙ в Адене. Упомянутые выше президентские Указы (75 и 49) были приостановлены, но экономическая война, напротив, усилилась [Brokering 20.01.2022, p. 17]. В 2020 г. Сана ввела запрет на обращение на контролируемой территории печатаемых ЦБЙ новых банкнот, что вызвало гиперинфляцию в территориальном сегменте МПП и двухкратный разрыв курса йеменского риала к доллару США: в Адене курс колебался в диапазоне 1000–1700 риалов за 1 долл., а в Санае – от 500 до 600. В общей сложности ЦБЙ с 2017 г. ввел в обращение новые купюры на сумму от 3 до 5,32 триллионов риалов, что привело к удвоению или даже утроению массы денег в обращении к предвоенному показателю [Brokering 20.01.2022, p. 24].

Цены продовольственных товаров на территории СА стали по номиналу в риалах вдвое ниже, чем на территории МПП, но стоимость транс-

фера денег из Адена в Сану синхронно превысила 100%. Стоимость продовольственной корзины в январе 2022 г. в зоне МПП составляла 16 тыс. риалов, а в СА – ок. 7300 риалов (в долларовом выражении цена в Сане была выше, но для населения, владевшего сбережениями в национальной валюте – дешевле). В январе 2021 г. КСА и МПП вновь наложили эмбарго на поставки топлива через порт Ходейда, что привело к очередному всплеску цен и расцвету спекулятивной торговли.

Однако на этот раз власти Саны были лучше подготовлены. Они установили государственную монополию на продажу топлива через Йеменскую топливную компанию, не позволив торговцам и перекупщикам взвинчивать цены на официальных бензоколонках, получавших фиксированные квоты на поставки от государства. Неотъемлемый спутник дефицита – черный рынок – не остался в стороне, но и там власти установили регуляторов, следивших за предельным ростом цен, отсекая нарушителей. Для контроля за социально значимыми товарами рыночного сегмента власти Саны применяли практику фиксированных цен на такие продукты питания как пшеница, мука, рис, кулинарное масло, овощи. Функция разработки прејскурантов и осуществления контроля за соблюдением постановлений была передана Министерству промышленности и торговли, имевшему отделения во всех подконтрольных режиму провинциях страны.

Находившееся почти в аналогичном бедственном положении население МПП было лишено этих мер защиты от спекулянтов и страдало больше. Более того, торговцам было выгоднее перевозить и продавать топливо в зону СА, где стабильный курс риала к доллару позволял им извлекать больше доходов, продавая топливо по равной или чуть более высокой цене, чем в зоне МПП.

Традиционно сильная зависимость около половины населения Йемена от переводов трудовых мигрантов в страны Залива в годы войны достигла максимальных значений. Для многих этот ресурс стал единственным способом выживания, а для прикормленных властями или локальными авторитетами *хавалей* – источником сверхприбыли. Инвестиции частного сектора в годы военного конфликта направлялись главным образом в процветающие бизнесы, связанные со сбором незаконных комиссий, строительством жилья для переселенцев и беженцев, а также в солнечную энергетику, позволявшую переживать частые перебои в централизованном электроснабжении, покупая энергию у небольших частных владельцев батарей, устанавливаемых на крышах городских зданий или в фермерских хозяйствах.

Захват Адена силами ЮПС в августе 2019 г. создал угрозу лишения МПП контроля над головным офисом ЦБЙ. И хотя здание ЦБЙ не подверглось

разорению, а было лишь окружено силами ЮПС, сообщалось об исчезновении 250 млн риалов, которые в тот момент перевозились охраняемым автотранспортом из порта в здание ЦБЙ [Brokering 20.01.2022, p. 25].

Приведу еще несколько иллюстраций к курсовой разнице и ценовой динамики в разных сегментах конфликта. В 2020–21 гг. стоимость базовой корзины в районах МПП выросла на 170%, а в Сане – на 40%. В ноябре 2021 г. курс риала в МПП был 1500 за долл., а в Сане – 600 [Brokering 20.01.2022, p. 27]. Девальвация старого риала в Сане с 2015 г. к доллару была 64%, а в номинальной зоне МПП – 80% [Brokering 20.01.2022, p. 23]. Доступность иностранной валюты в Сане, где осталась львиная часть банков и финансовых учреждений, была выше.

В докладе «Экономика Йемена 2021», опубликованном независимым Studies and Economic Media Center в 2022 г., сказано, что «сотни предприятий частного сектора были частично или полностью уничтожены. Операционные и производственные издержки существенно выросли из-за дефицита топлива, роста страховых премий и транспортных расходов... Частный сектор почти прекратил существовать, уступив место новому паразитическому монополистическому классу, гребущему деньги от хаоса войны» [SEMC 2022, pp. 7–8].

Власти Саны передали долю Саудовской Аравии, доминировавшей в импорте до войны, Оману. Они выдали лицензии 250 новым финансовым организациям, заменившим банки. Лидерами стали меняльные и переводные конторы «Свейд и сыновья», «Аль-Хада», «International express exchange and remittments Co» [SEMC 2022, p. 11].

Было также выдано 178 лицензий компаниям на импорт нефтепродуктов [SEMC 2022, p. 11], которые затем продавали топливо Йеменской топливной компании.

Торговля дефицитными фармацевтическими товарами также перешла в руки приближенных к власти лиц. То же случилось с множеством частных медучреждений. Военные власти Саны вытеснили своими креатурами многие устоявшиеся торговые компании, работавшие в т. ч. на рынке продаж известных брендов. На госпитали введен дополнительный налог за каждую хирургическую операцию в размере 4% для имеющих ИНН и 15% – без ИНН.

Доходы от телекоммуникационных компаний – самая большая статья доходов Саны – 1% от сборов платежей отчисляется в фонд жертв войны.

Недвижимость также стала важным источником доходов властей Саны. Стоимость взлетела вверх, но жилье осталось доступно новым олигархам, в т. ч. распределяющим гуманитарную помощь от международных центров. Количество проданных подорожавших лицензий на постройки в черте Саны выросло с 34 в 2014 до 358 в 2017 г. [SEMC 2022, p. 13].

Власти Саны с 2014 по 2021 г. зарегистрировали 1023 новых компании, большинство из них в столице.

Одним из важных элементов мобилизационной модели экономики СА стали сборы закята. В 2018 г. Сана приняла Указ 53 о создании Генерального Управления Закята и теперь администрирование средств перешло в руки государства, будучи встроенным в достижение приоритетов военного времени – помощи бойцам и семьям погибших. Сумма сбора оценивается в цифру 45 млрд риалов в год (2021 г.). Государство ввело сборы с торговых точек, торговцев и предприятий для помощи бойцам, инвалидам и раненым. На поддержку раненых и инвалидов войны власти расходуют 292 млн риалов в год. С 2022 г. около 150 млн риалов из сборов закята в денежной форме выделено на раздачу военнопленным (S/2023/130/ 2023, р. 33).

С июня 2020 г. Сана ввела дополнительный сбор пятой части цены (НДС) – хумс с отраслей, связанных с торговлей углеводородами, водоснабжением и рыболовством [SEMC 2022, р. 3].

Совершенно иной тип хозяйственного комплекса за годы войны сложился в контролируемом МПП Марибе, который превратился в главный пункт приюта для двух йеменских миллионов беженцев. Здесь кроме строительного бума наблюдался быстрый расцвет сферы услуг – банков, ресторанов, меняльных контор. Доходы провинции в 2021 г. достигли 11 млрд риалов [SEMC 2022, р. 17]. Площадь городской застройки в Марибе за годы войны удвоилась, и повсюду видны новостройки.

В административном центре Хадрамаута – Мукалле (зона контроля эмиратского фланга) традиционный рынок кузнецов за годы войны превратился в многопрофильную торговую и производственную компанию, работающую в сфере импорта нефтепродуктов, перевода денег, навигации и недвижимости. Здесь активно работают такие новые крупные торговые компании как «Hadramout International Energy Co», «Ahgaf Hadramout for contracting and oil services Ltd», «Al-Basiri exchange», «Bin Dowal exchange Co» [SEMC 2022, р. 18].

Силы безопасности в Мукалле и расположенном вблизи Шихра морском нефтяном терминале Даббе взимают незаконные сборы с каждого контейнера.

В Адене размер незаконных сборов в порту зависит от конечного назначения грузов – для покидающих город сумма сборов вдвое выше.

ЮПС полностью контролирует нефтяной и контейнерный терминалы порта Аден. Командир ЮПС Мохсин аль-Вали в феврале 2021 г. объявил об учреждении компании «Isnad Petroleum Co», что в апреле 2021 г. повлекло его снятие с должности главой ЮПС Э. аз-Зубейди [SEMC 2022, р. 19].

Новый класс дельцов на деньгах стран АК в Адене возводит торговые моллы, конкурируя за места и подряды друг с другом методом разбо-

рок. Новые меняльные конторы вытеснили банки. Все они не могут функционировать без поддержки властей. Традиционные предприниматели сталкиваются с вымогательством и с перебоями в поставках товаров.

Сумма денежных переводов трудовых мигрантов составляет порядка 6 млрд долл. в год, обогащая менял. Экспорт нефти из Йемена составляет примерно 1,3 млрд долл. в год, а импорт нефтепродуктов – около 24% от общего импорта в 10 млрд долл. [SEMC 2022, p. 24].

Бюджет правительства МПП в 2020 г. имел дефицит 45,7%, а в 2021 – 32,6% (за счет роста экспорта нефти). Расходы государства в 2021 г. составили 2 трлн риалов, из них 66% было затрачено на выплату зарплат госслужащим [SEMC 2022, p. 33].

Иллюстрацией к тяготам населения южного сегмента являются данные о стоимости потребительской корзины, включающей 1 кг риса басмати, 1 кг риса короткого, 1 кг сахара, 2 л масла, 1 кг пшеницы, 1 кг муки, 1 кг фасоли, 1 канистру воды (20 л), бутылку питьевой воды (0,75 л): только за 2021 г. ее стоимость выросла с 7,4 до 14,1 тыс. риалов [SEMC 2022, p. 34].

Лучшей иллюстрацией к фрагментации территории Йемена служат данные о ценах на бензин – за 1 канистру (20 л) в Сане надо уплатить эквивалент в национальной валюте равный 22 долл., в Таизе – 16, в Адене – 14, в Хадрамауте – 12, а в Марибе – 3–3,5 долл. [SEMC 2022, p. 35].

По оценкам Всемирного Банка к 2018 г. закрылось 35% йеменских предприятий частного сектора, а 51% остальных сократили бизнес [SEMC 2022, p. 38].

Расцвет паразитического бизнеса и инвестиции в создание локальных монополий, спекулирующих валютой и топливом, потребительскими товарами и услугами, является основной формой деятельности неформального сектора.

Влияние конфликта на бизнес проявляется в двойном обложении налогами и таможенными сборами товаров, пересекающих разделяющие линии, раздвоении денежного рынка, угрозах конфискации бизнеса командирами вооруженных формирований, неразберихой регламентов и постановлений всех уровней власти. В целом накладные затраты бизнеса выросли в 5–7 раз против довоенного уровня.

Шоссе Абъян-Аден-Лахдж-Таиз, целиком расположенное в зоне МПП, оснащено множеством пунктов сбора комиссий и пошлин с проходящего транспорта.

Хуситские власти Саны ввели правила сбора закята в установленные ими праздничные даты по случаю Дня Иерусалима, Дня рождения Пророка, а также на пропускных пунктах между провинциями. Нарушителей правил жестко наказывают. В 2022 г. за нарушения было закрыто 520 коммерческих учреждений, 600 торговцев было подвергнуто разным

административным наказаниям, 1700 – оштрафовано и 50 – арестовано [SEMC 2022, р. 41].

Все телекоммуникационные компании Саны были превращены в холдинги или продали свои акции новым владельцам. Отмечались случаи рейдерства со стороны нового надзорного органа – т. н. «юридической стражи» [SEMC 2022, р. 41], уничтожение супермаркетов под предлогом незаконного захвата земли в Сане, сожжение торговых точек конкурентами. Работники иностранного международного Галф Банка в Сане подверглись репрессиям [SEMC 2022, р. 43].

В Адене процветает вымогательство у владельцев торговых точек со стороны квартальных вооруженных групп. В Лахдже провинциальные власти взимали налог на импорт и производство как суверенное государство. В охваченном противоборством Таизе прибыльным бизнесом стал захват земли путем отъема у ее нелояльных владельцев. Там же срок задержания авто фур на дорогах нередко достигает трех месяцев.

Для повышения доходов власти Саны повысили импортные пошлины на 30%, но расчетный курс доллара, являющийся базой взимания портовых пошлин и сборов в Адене, достиг 750 риалов [Mohammed Alghobari 2023], а в Ходейде составляет всего 250 риалов.

Отдельная тема конфликтной экономики – политизация гуманитарной помощи со стороны КСА. КСА запустила 198 проектов для 6 млн йеменцев через 71 локального партнера. Эти проекты ориентированы в т. ч. на поддержку образования по саудовским пособиям [SEMC 2022, р. 51].

Доля ОАЭ в донорской помощи (230 млн долл.) составляет около 13,5%, а всего с 2015 г. ОАЭ выделили Йемену 6 млрд долл. [SEMC 2022, р. 52].

Около 48% общего объема внешней помощи поступает по каналам ООН.

Всемирный Банк выделил Йемену за годы войны 2,24 млрд долл. [SEMC 2022, р. 53]. Министр финансов непризнанного правительства Саны называет политику США и Британии экономической войной против йеменского народа, считает помощь ВБ и МВФ инструментом закабаления народа Йемена на многие поколения вперед непомерными долговыми обязательствами и предупреждает об отказе от признания их законности, обвиняя «правительство наемников, не представляющее народ Йемена» в пособничестве политике «колониального сионистского долгового закабаления» страны [Wazir 01.12.2022].

В финальном докладе экспертной группы СБ ООН в феврале 2023 г. отмечалось, что: годовая инфляция составила 45%, в т. ч. по продовольствию – 58%; 17 млн йеменцев испытывают острую нехватку еды; по индексу человеческого развития страна заняла 179 место из 189 [S/2023/130/2023, р. 29]. Авторы доклада обвиняют Сану в создании экономической

неустойчивости в остальной части Йемена, забывая, что власти СА девятый год ведут войну на выживание с мощной АК, лишены нефти и контроля ЦБЙ.

Особое беспокойство у авторов доклада вызвала подготовка Саной закона, полностью запрещающего процент на банковские вклады, что по мысли авторов проекта должно создать банкам стимул для перехода к инвестиционной активности.

В докладе отмечается, что валютные резервы ЦБ Адена за период декабрь 2021 – октябрь 2022 г. сократились с 1,68 млрд до 1,09 млрд долл. [S/2023/130/ 2023, р. 29], в очередной раз вызвав скачок инфляции. Годовые правительственные расходы выросли до 835 млрд риалов, причем 61% тратится на нужды Министерства обороны и МВД [S/2023/130/ 2023, р. 30].

Значительная часть внутренней торговли ввиду неустойчивости курса в южном сегменте кризиса ведется в саудовских риалах и долларах.

В зоне СА в 2022 г. Министерством рыболовства и сельского хозяйства была организована первая кофейная биржа с целью закрепления бренда йеменских сортов кофе на мировых рынках [Sanaa...munakashat 01.02.2022]. Лидер Анасрулла много внимания уделяет экономической политике государства, фокусируя усилия на развитии сельского хозяйства и животноводства современными методами с использованием сельскохозяйственных кооперативов, целенаправленного создания системы специализированных учебных центров для совершенствования агротехнической, ветеринарной и кормовой базы отрасли. По всем провинциям под эгидой местных властей проходят совместные семинары Союза кооперативов и Управления по развитию производства зерна в рамках кампании «зеленой революции» по импортозамещению. Власти приняли «Стратегию комплексного развития», которую курирует председатель Политсовета режима Саны Махди Машат. Ее задачей является создание во всех уездах производственных кооперативов и национальных компаний в рамках программы импортозамещения [Ar-rais al-mashat 13.11.2022].

Параллельно с проектом запрета банковского процента на вклады (05.09.2022) в русле проекта создания валютной биржи власти Саны передали все коммерческие и банковские сделки в юрисдикцию судей с широкими полномочиями от наложения штрафа размером до 3 млн риалов до заключения под стражу сроком до двух лет [S/2023/130/ 2023, р. 32].

При этом 70% всего объема налоговых и таможенных сборов приходится на регионы, контролируемые Саной, что отражает прежде всего непрозрачность деятельности ЦБЙ в Адене и всех финансовых институтов этого сегмента, охваченного хаосом и соперничеством флангов АК.

Основные банки, фонды, включая пенсионные, телекоммуникационные компании, импортные фирмы, крупные корпорации и другие

деловые структуры остаются в Сане. Промышленные компании, сосредоточенные в пригороде Таиза – Хобане, а также в Сане, Иббе и Дамаре, также контролируются СА. Товары, поступающие в Йемен через южно-йеменские порты, часто сначала продаются в зоне МПП, а затем перевозятся в зону СА, при этом на них уплачиваются новые налоги и сборы, и тем не менее извлекается выгода от разницы валютного курса.

С апреля 2022 г. количество заходов танкеров и импорта топлива через порты Ходейды выросло до 69 танкеров (с апреля по ноябрь 2022 г.) и 1,8 млн т топлива (за весь 2021 г. было всего 30 судов и 535 тыс. т топлива). Цена канистры составила 22–24 тыс. риалов за 20 л. По оценкам МПП упущенная выгода правительства от этого источника сборов за апрель–ноябрь 2022 составила 272 млрд риалов [S/2023/130/ 2023, р. 34]. В ответ Сана выставляет правительству обвинения в сокрытии нефтяных доходов на суммы десятков миллиардов долларов от жителей страны, не получающих зарплату с 2016 г.

Заключение

Экономическая война и политическая фрагментация в Йемене усилили процесс дифференциации регионов страны по политэкономическим характеристикам. Раскол территории на два основных сегмента – южный (МПП) и северный (СА) – обозначил главную линию политэкономической бифуркации страны, за которой последовало нарастание процесса дезинтеграции южного сегмента между конкурирующими флангами АК – саудовским и эмиратским. Эрозия зависимого от АК МПП и консолидация коалиционного непризнанного режима власти государственного типа в Сане на платформе отпора «иностранный агрессии» повлекли формирование противоположных трендов в развитии хозяйственных комплексов. Эффективность и государственный модус управления конфликтной экономикой в северном сегменте позволил не только компенсировать преимущества, полученные «южным сегментом» при выборе стороны АК в начале военной кампании, но и продолжать развивать производственную базу как сельского хозяйства, так и промышленности благодаря успехам монетарной политики и стабилизации финансового положения за счет диверсификации источника доходов государства, подключив к ним традиционные формы – закят и вакф. Двойной разрыв в курсах национальной валюты к доллару в пользу Саны позволил сохранить доверие йеменскому риалу, в отличие от «южного сегмента», предпочитающего доллар и саудовский риал.

В обоих сегментах чрезвычайно выросла роль неформального сектора, особенно меняльных и переводных контор (*хавалья*), которые ослабили последствия состояния хронического дефолта ЦБЙ и паралича большин-

ства банков как на денежном, так и на товарном рынках, в т. ч. в сфере внешней торговли. Вместе с тем расцвет *хавалья* создал дополнительные риски финансовым системам, с которыми оба правительства (МПП и СА) пытаются справиться, параллельно ведя экономическую войну на уничтожение друг друга.

На новом этапе йеменского военного конфликта, начавшегося с фазы деэскалации в апреле 2022 г., новым приоритетом всех конкурирующих ЦПВ и их иностранных патронов становится борьба за экономические ресурсы и оптимальные модели решения социальных проблем населения. С мая 2023 г. КСА направила политические процессы в Йемене в сторону затухания конфликта и актуализации «южного вопроса» в форме поддержки курса на отделение территории бывшей НДРЙ от Йемена, что создало принципиально новую повестку йеменскому кризису.

Электронные ресурсы / Electronic sources

1. S/2023/130/UN SC. Final report of the Panel of Experts on Yemen established pursuant to Security Council resolution 2140 (2014). 21.02.2023. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/un-documents/document/s-2023-130.php> (accessed: 07.06.2023).
2. 24 million Yemenis at catastrophic humanitarian risk following new U.S. terrorist designations of Ansar Allah, warns IRC // OCHA News and Press. 11.01.2021. URL: <https://reliefweb.int/report/yemen/24-million-yemenis-catastrophic-humanitarian-risk-following-new-us-terrorist> (accessed: 07.06.2023).
3. Ar-raï al-mashat yushaddidu ala tanfiz al-istratijiya al-wataniya li-tahkik at-tanmiya ash-shamila (Президент Аль-Машат настаивает на выполнении национальной стратегии для достижения общего роста экономики) // Al-Masirah. 13.11.2022. URL: <https://www.masirahtv.net/post/223341> (accessed: 07.06.2023).
4. Brokering a Ceasefire in Yemen's Economic conflict, Crisis Group Middle East Report No 231. 20th January 2022. URL: <https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/gulf-and-arabian-peninsula/yemen/brokering-ceasefire-yemens-economic> (accessed: 07.06.2023).
5. Corruption In Yemen's War Economy // CARPO-Bonn. No. 9. 05.11.2018. URL: https://carpo-bonn.org/wp-content/uploads/2019/07/RYE_brief_09.pdf (accessed: 07.06.2023).
6. Eliana Favari, Siddharth Krishnaswamy, Sharad Tandon, Alia Aghajanian and Safa Almoayad. Surviving in the Time of War: How and Why Well-being is Evolving in the Conflict in Yemen. Documents of the World Bank, February 2023. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099133503092351195/pdf/P177826097b31a0fb0b6140bd8c642ba315.pdf> (accessed: 07.06.2023).
7. Mohammed Alghobari, Riyam Mukhashaf. Yemen's government raises customs exchange rate by 50% // Reuters. 10.01.2023. URL: <https://www.reuters.com/article/yemen-security-forex-idUSL1N33V1SE> (accessed: 07.06.2023).
8. Peter Salisbury (main contributor). How Yemen's War Economy Undermines Peace Efforts // International Crisis Group, 2022. URL: <https://yemenconflict.crisisgroup.org> (accessed: 07.06.2023).

9. Sanaa... munakashat ijraat itlak maashrua al-mazad al-wataniy lil-bunn al-yamani (Санаа... обсуждение запуска проекта национальной биржи йеменского кофе) // Al-Masirah. 01.02.2022. URL: <https://www.almasirah.news/post/205363> (accessed: 07.06.2023).
10. Taylor Hanna, David K. Bohl, Jonathan D. Moyer. Assessing The Impact Of War In Yemen, 2021 // United Nations Development Programme (UNDP). URL: https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/germany/UNDP-Yemen_Impactof-War_WEB.pdf (accessed 07/01/2023)
11. Wazir al-maliya: al-harb al-iktisadiy ala shaanina yudiruha al-amrikiy wa al-britaniy bi shakl munashir (Министр финансов: экономической войной против нашего народа руководят американцы и британцы напрямую) // Al-Masirah. 01.12.2022. URL: <https://www.masirahtv.net/post/224327/ماهر-يدي-اتبع-شئ-اقتصادي-استقلا-ب-رحل-اقتصاد-اريزو> (accessed: 07.06.2023). На араб. яз.
12. What the battle for Hudeidah means for Yemen's children: 8 things you need to know // UNICEF. 21.06.2018. URL: <https://www.unicef.org/emergencies/yemen-crisis/hodeidah> (accessed: 07.06.2023).
13. (SEMC) Yemeni economy 2021. The war economy and the new millionaires. Yemen, Taiz: Studies & Economic media center, 2022. URL: http://www.yemenief.org/Download_Center/document/doc_3068.pdf (accessed: 07.06.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Серебров Сергей Николаевич –
канд. экон. наук, старший научный
сотрудник Центра арабских
и исламских исследований, Институт
востоковедения Российской академии
наук, Москва, Россия

Serebrov Sergey N. – PhD (econ.),
Senior researcher, Institute of Oriental
Studies of the Russian Academy
of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 17.07.2023.

Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 01.08.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 17.07.2023.

Approved after peer reviewing and accepted for publication: 01.08.2023.

The author has read and approved the final manuscript.